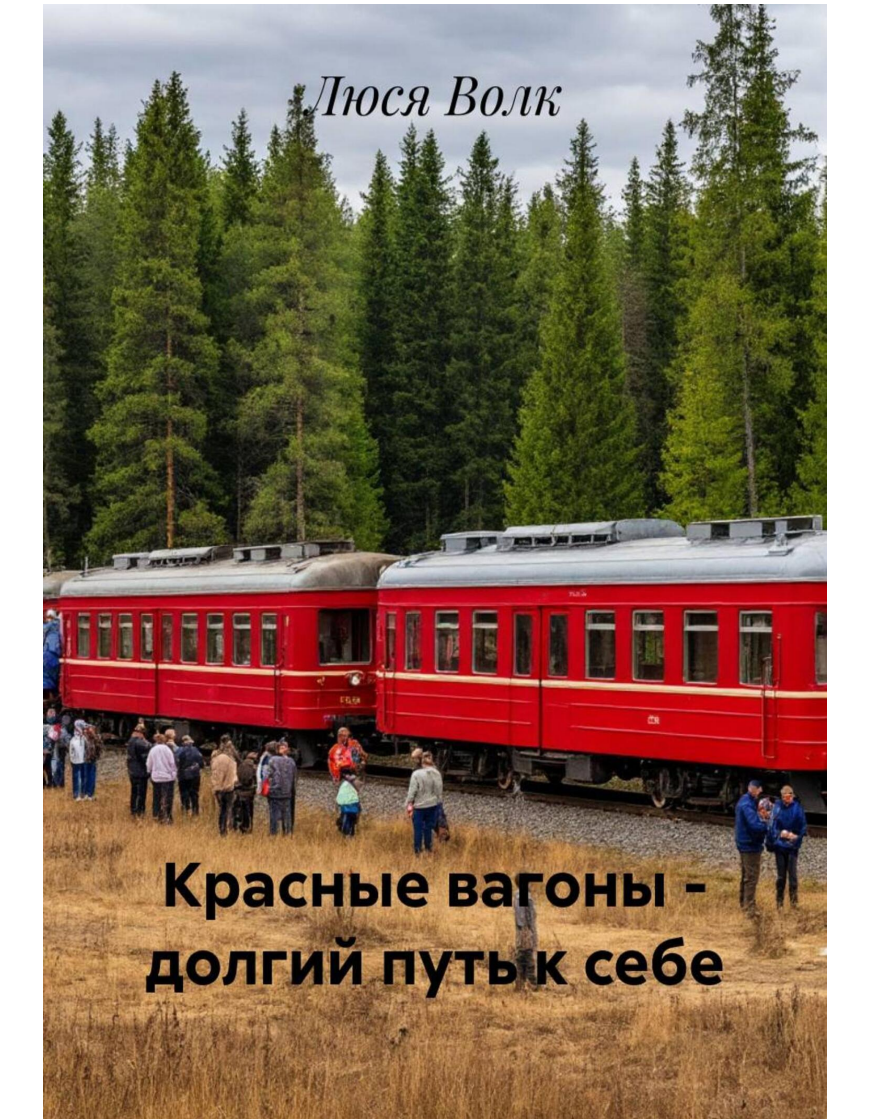

A photograph of a red passenger train with two visible cars, stopped on tracks in a forest. A group of people is standing in the foreground on a grassy field, looking at the train. The background is filled with tall, green evergreen trees under a cloudy sky.

Люся Волк

**Красные вагоны -
долгий путь к себе**

Люся Волк

**Красные вагоны –
долгий путь к себе**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72988227
SelfPub; 2026*

Аннотация

Два красных железнодорожных вагона стоят на рельсах посреди безлюдной лесостепи. Около них столпились люди. Они растерянны и напуганы. Они не понимают, где и как очутились. Им предстоят мистические приключения и фантастические открытия. Смогут ли они выжить в этом незнакомом мире? Что их спасёт?

Содержание

Глава 1 Наш паровоз, вперед лети. И где же остановка? Временный лагерь	4
Глава 2. Нью-Простоквашино. Мы переезжаем!	45
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Люся Волк

Красные вагоны – долгий путь к себе

Глава 1 Наш паровоз, вперед лети. И где же остановка? Временный лагерь

Тук-тук-тук, тук-тук-тук...

Повезло мне с попутчиками. Немолодая семейная пара и девчонка лет двадцати. Девчонка нацепила наушники, закрыла глаза и покачивается под неслышную музыку. Студентка, наверное.

«Семейным» проводница принесла чай, попили и сидят, обнявшись, и тихо что-то шепча друг другу. Никаких тебе варёных яиц и курицы, традиционного «перекуса» всех пассажиров страны. Никаких споров за нижнюю полку. А мне нравится на верхней полке. И пусть мне уже давно не двадцать, я легко взбираюсь вверх. За окном тёмная зимняя ночь. Хорошо! Как в детстве, когда устраивали себе «домик» под столом, укрытым скатертью до пола. Всё-таки есть у человека потребность уединиться, отгородиться от всего ми-

ра и побыть с самим собой.

Вот и я, уединилась на своей верхней полке и кайфую. Вагон убаюкивающе покачивается, монотонное ритмичное постукивание колес не раздражает, наоборот, как колыбельная на сон грядущий.

Тук-тук-тук, тук-тук-тук... «Наш паровоз вперёд лети... В коммуне остановка...» – вот привязалось! Сейчас лучше напевать «А жизнь меня по всей земле мотает... Под стук колёс ко мне приходят сны...» – песенка из доброго старого фильма. Очень удобный поезд – вечером садишься, а утром уже на месте. Всего лишь ночь в дороге. Мои попутчики уже тоже укладываются спать. Сквозь наплывающую дремоту откуда-то из глубины сознания выныривает вопрос: «А куда это я, собственно, еду?». Но лень не только шевелиться, но и думать. И я уплываю в сон.

Тук-тук-тук... Тук-тук... В мой сон вонзается скрежет. Как металлом об металл. И тут же – женские крики... Звук тяжёлых ударов... разбивающихся стёкол... Я лечу с полки вниз... Или вверх? Где пол, где потолок?! От женского пронзительного визга кровь стынет в жилах, я тоже хочу заорать и завизжать от ужаса. Но это же сон? Вдруг становится очень холодно. Почему я лежу... на снегу??? На животе, лицом в сугроб! А это что – кровь??? Мои руки в крови! И мне больно. Болят порезы на руках, болит грудная клетка, как от удара. Как будто меня откуда-то вышвырнуло и шмякнуло об землю. Но ведь во сне боли не чувствуешь! Простейшее

«народное средство» проверить спишь или нет – надо себя ущипнуть. Во время сна мозг блокирует пересылку сигналов боли, её не чувствуешь. Если больно, то не спишь! Я пытаюсь ущипнуть себя, но пальцы замёрзли и не складываются в щепоть.

Пытаюсь приподняться и оглянуться туда, откуда слышен шум голосов. Железная дорога. На насыпи лежат покорёженные вагоны. Вокруг суетятся люди. Кто-то бегают, кто-то, как и я, неподвижно лежит на снегу. Холод пронизывает не только снаружи, но и изнутри. Это катастрофа??? Поезд сошёл с рельсов? Кажется, я кричу, зову на помощь. Но люди около поваленных вагонов движутся, как в замедленной съёмке и меня не слышат. Их голоса я слышу, как сквозь вату. Они удаляются, удаляются, становятся всё тише. Шумы исчезают. Очень хочется спать. Мне уже тепло. Но почему-то меня начинает трясти. Как будто я в авто, которое мчится по ухабам.

– Эй, подруга! Просыпайся! Ты чего орёшь?

Это мой попутчик, трясёт меня за плечо. Я ошарашенно смотрю на него, потом резко вытягиваю перед собой руки, растопырив пальцы. Да так, что мой попутчик невольно отшатывается. Никаких порезов, никакой крови! Слезы облегчения градом покатались из глаз.

– Ты чего... Ты чего... Кошмар приснился?

Я не могу говорить, только киваю и облегчённо улыбаюсь

сквозь слёзы. Приснилось!

– Ну, всё, всё. Успокойся. Душновато у нас тут, вот и снятся кошмары. Ежели что, то меня Петром зовут. А супругу Ниной. Она тоже беспокойно спала.

Ну, да, мы же вечером так и не познакомились. Я искренне благодарю Петра, прошу извинить за доставленное беспокойство:

– И что, сильно орала?

– Да как будто тебя там на кусочки режут! – улыбается сочувственно – Бывает!

Пётр присаживается на полку со спящей супругой. Наша четвертая попутчица спокойно дрыхнет, даже не пошевелилась. Она, по-моему, вообще спит в наушниках, так что мой ор её не побеспокоил. Я сворачиваюсь клубочком на своей верхней полке, но сна, конечно, уже ни в одном глазу. Тайком (от кого?) ощупываю свою грудную клетку. Нет, ничего не болит. А ведь больно было, как будто ребра переломаны. Вот на черта мне сдалось такое буйное воображение!

Смотрю в окошко, за которым начинает светать. Чернота ночи потихоньку растворяется в холодном сереньком рассвете. Вот уже можно различить, как за окном неспешно проплывают заснеженные поля, перелески. Вагон плавно покачивается, перестук колес умиротворяет. Но на душе почему-то беспокойно.

За окном начинается метель. Сначала это позёмка, кото-

рая туманной пеленой вьётся над сугробами. Потом снежная пелена поднимается выше, выше. И вот уже сквозь неё не видно ни полей, ни перелесков. Наш поезд как будто въезжает, как в туннель, в облако тумана. Такое впечатление, что этот туман проникает даже в купе. Я невольно вздрагиваю от ощущения холодной сырости, облепляющей кожу, прямо под моей «дорожной» пижамой. То есть, под спортивным костюмом, в который я облачена. Может быть, просто костюмчик ещё не просох после моего лежания на снегу? Стоп. О чем это я??? Какой снег? Это же был сон! Кажется, у меня едет крыша. Сейчас-то я точно не сплю! Бросаю вопросительный взгляд на Петра. Он с недоумением осматривается вокруг и почему-то ощупывает себя. Тоже почувствовал?

Заворочалась, просыпаясь, Нина:

– Что? Что случилось? Мы приехали?

Девушка тоже резко села, сдернула с головы наушники:

– Что происходит? – хрипловатым со сна голосом. – Что это за гадость? – сдергивает висящее в головах полотенчишко и начинает нервно растирать им руки, шею, лицо.

Я осторожно спускаюсь с полки:

– Вы тоже это чувствуете? Это какой-то туман. Я видела в окно, как он... появился.

Все дружно смотрят в окно. А что там смотреть? Там – молочно-серая пелена, как будто окно снаружи заклеили непрозрачной ПВХ плёнкой. Девушка недовольно морщится:

– Безобразие! У них что, окна не герметичные? Надо

немедленно к проводнице!

А в коридоре уже слышен топот и недовольный гул голосов. Петр, как единственный мужчина в нашем купе, вздохнув, встаёт:

– Пойду, узнаю что к чему.

Гул голосов в коридоре усиливается, слышны истерические нотки.

– Ну, нормально! – возвращается возбуждённый Петр, – Нет проводницы! И в соседнем вагоне такая же история! А ведь у нас через пол часа прибытие! Нина, – обращается к супруге – ты на всякий случай собери вещи.

Мне показалось, что его голос странно дрогнул на этой фразе. Что-то он не договаривает. Ну подумаешь – проводница отлучилась. К моменту прибытия на очередную остановку всяко появится.

Прибытие. Вот вопрос, который гнездится у меня внутри и никак не выходит на поверхность. Самое время узнать, куда это я еду. Смешно? И мне смешно. Но я реально не помню!

– А какая у нас станция на подходе?

– Ну, что значит какая? – удивляется Пётр. – Столица солнечной Бурятии, славный город Улан-Удэ! Мы туда к сыну едем.

– ЧТООООО???? – одновременно восклицаем я и девица.

Её, кстати, зовут Нинэль. Познакомились, пока Пётр вы-

яснял обстановку.

– Т-т-то есть к-к-как это Улан-Удэ??? – Нинэль даже заикалась стала. – Я же в Тюмень еду!!!

– У-у-у-у... – Пётр озадачено почесал макушку, – так это ты, красавица, не на тот поезд села. Тюмень это на запад, а мы на восток едем.

Неожиданно Нинэль заревела, что называется, белугой.

– Нееееет!!! Убью!!! Проводница! Она что, не видела, на какой поезд мой билет?! Дура!!! – девчонка подскочила и ринулась к двери купе.

Петр ухватил её за руку:

– Куда? Кого? Тебе же сказано – нет проводницы на месте! Сядь! Я вам ещё не всё рассказал...

Всхлипывая, Нинэль покорно села за столик, поближе к окну. И даже попыталась потереть стекло. Как трут зимой замерзшее окошко в автобусе, чтобы разглядеть, где автобус находится и не проехать свою остановку. Пётр сел поближе к жене, обнял её и как-то слишком серьёзно говорит:

– Девчонки... Давайте без истерики. Пропажа проводницы это не единственная наша проблема. Дело в том, что...

И тут! Наш поезд вырвался из тумана!!! Яркое солнце залило купе. Мы ринулись к окну. За окном зеленели поля и перелески. «Девчонки» завизжали от восторга! Даже Нинэль, с ещё не просохшими слезами. Это потом она рас-

скажет, что в Тюмени её должен был встретить жених и через неделю у них свадьба. Дружили со школы, она его семь лет ждала, пока он в «горячих точках» воевал. Это потом я буду её пытаться утешить тем, что за семь лет, да после «горячих точек», человек неузнаваемо мог измениться. И это будет совсем не тот парень, которого она любила в школьные годы. Но это потом. А сейчас...

Интересно, а что, только меня удивила сочная зелень травы и деревьев за окном?

Поезд явно замедлял ход. Чух-чух-чух... Чух-чух-чух... И остановился.

Мы вопросительно обернулись к Петру. Он тяжело вздохнул, опустился на полку и обвёл нас почему-то виноватым взглядом:

– Девчонки... Дело в том... Впрочем, всё равно не поверите. Собирайте вещи и пошли на выход.

– К-к-как на в-в-выход? – снова стала заикаться Нинэль. – Я никуда не пойду! Это же ещё не Улан-Удэ? Мне надо на вокзал, мне надо билет обменять на Тюмень! Да мне хотя бы позвонить! Надо начальника поезда найти! Пусть объяснит, что случилось!

Она суетливо начала рыться в сумочке, выуживая мобильник. Нервно потыкала в него и чуть не зарычала: «Нет связи!!! Гадство!!!» Пётр со вздохом открыл нижнюю полку, вынул багаж Нинэль, приобнял девчонку и аккуратно подтолкнул.

нул к выходу:

– Может быть, на улице телефон ловит, пойдём, пойдём, там и позвонишь.

Пётр бережно подталкивал девушку к выходу из вагона, оглядывался, проверяя, идем ли мы следом. А сзади уже подпирали пассажиры из других купе, и нам пришлось поторопиться.

И вот мы вышли из вагона на узенькую полосу того, что можно было бы с натяжкой назвать перроном. Ну, да, это не вокзал Улан-Удэ, это какой-то зачуханный полустанок.

Пока мы медленно пробирались по коридору вагона, гул разговоров не стихал. Кто-то ругался, кто-то успокаивал, кто-то пытался хохмить. Но как только спрыгивали на «перрон», всех охватывала немота. И было от чего. Нестройная толпа тех, кто вышел раньше, смотрела на вновь появляющихся пассажиров глазами, полными... Ужаса? Нет, что-то ужасное было за нашими спинами. Нина, углядев в толпе Петра, ринулась к нему. Ну и я за ней. Какие-никакие, а всё-таки уже знакомые люди. Я обернулась в сторону нашего вагона. И мне тоже захотелось прижаться к чьей-нибудь крепкой груди, как Нина. Или хотя бы к сильному плечу, как Нинэль. Которая обхватив руку Петра, покачивалась, как зомби, и тихо подвывала.

Посреди зеленой безлюдной лесостепи на железнодорож-

ных рельсах стояло два вагона. Просто два пассажирских вагона. Купейный вагон номер 6 и номер 7. Только были они не стандартного зеленого цвета, а ярко-красные. Почему-то это особенно пугало. И всё. Ни локомотива, ни других вагонов. И разношёрстная толпа на узенькой полоске «перрона».

В некотором отдалении виднелось здание, то ли станции, то ли полустанка. «Пассажиропоток» из вагонов прекратился. Видимо, выгрузились все. Проводниц среди нас не было. Кто-то из мужчин уже сбежал к отдаленно стоящему строению, похожему на станцию. Сообщил, что в помещении никого нет. Да и само здание, похоже, давно заброшено и разваливается. И вокруг – никаких признаков присутствия людей или какой-то хозяйственной деятельности. То, что мобильники тут не ловят, это уже все убедились. И как быть? Что делать?

Ничего себе, «в коммуне остановка»!

На короткой платформе у опустевших вагонов сгрудилось человек сорок-пятьдесят. Семейные пары, некоторые с детьми разного возраста, мужчины, женщины. Женщины причитали и плакали. Мужчины кто ругался матом, кто замер в ступоре.

На ступеньки одного из вагонов взобрался кряжистый мужик, судя по выправке, бывший военный или даже покруче. Аккуратный «ёжик» на голове, едва тронутый сединой. Лицо серьёзное, но спокойное. Похоже, привык руководить. Он

приладил ко рту какой-то конус, свёрнутый из картонки, и громко гаркнул в него:

– ВНИМАНИЕ! Как меня слышно?

Хо. Самодельный «матюгальник» из картона. Слышимость отличная. Перестали выть и реветь женщины. Вышли из ступора те, кто в нём был, все подтянулись поближе к вагону.

– Меня зовут Илья Степанов. Капитан запаса СОБРа, Спецотряда Росгвардии, если кто не в курсе.

Капитан опустил свой «матюгальник», его и так хорошо было слышно.

– Похоже, что мы с вами оказались в нестандартной, даже в критической ситуации. Среди вас есть военнообязанные? – Он как бы даже с надеждой оглядел толпу замерших людей. – Есть кто-то старше меня по званию? – Никто не откликнулся. – Тогда я готов взять на себя руководство нашим... э... отрядом. Есть возражения?

Возражений не было.

– Мы не знаем, где мы и как сюда попали. Но всех вас где-нибудь кто-то ждёт. Поэтому, нас обязательно будут искать! Сейчас наша задача сохранять спокойствие, не впадать в панику.

До тех пор, пока не появится какая-то определённая, я объявляю режим чрезвычайного положения. Согласны? Все понимают, что это значит?

Народ загудел, послышались выкрики «Мы согласны!», «Понимаем!», и даже почти весёлое «Рули, капитан!». Народ немного расслабился. Это такое облегчение, когда в непонятной ситуации кто-то знает, что делать, и тебе уже не нужно принимать решения!

За спиной капитана вдруг появился заспанный мужик. Невысокий, пузатый, ну точно как полицейский в американских сериалах. Он обалдело выглядывал из-за плеча капитана:

– А чо такое? Чо такое? Это массовка что ли? Кино снимаем? А чо не предупредили?

В толпе послышались смешки. Дядька всё проспал! Илья обратился к нему:

– Уважаемый, представьтесь кто Вы и куда ехали?

– В Читу я еду, а кто я это моё дело! А ты кто такой? Артист?

В толпе снова послышались смешки. Мальчишеский голос даже пропел «Чита-дрита, чита-маргарита...». Не Кикабидзе, конечно, но в толпе появились улыбки, люди реально расслабились. И только капитан Илья нахмурился:

– Товарищ по имени «не-моё-дело», убедительно прошу Вас, соберите свои вещи и побыстрее присоединяйтесь к нашей группе. Иначе всё кино пропустите!

«Полицейский» с подозрением оглядел людей, стоящих у вагона и, как ни странно, послушался!

Через пару минут, пыхтя и кряхтя, выволок в тамбур два огромных баула. Такие большущие клетчатые сумки. В девяностых годах в таких сумках «челноки» ширпотреб из Китая возили. Илья помог пузану выгрузиться и снова обратился к нам:

– Информация об этом происшествии вряд ли станет известна раньше завтрашнего дня. Впереди ночь и неизвестно, что нас ждёт. Предлагаю организовать временный лагерь. Женщины с малыми детьми, скучкуйтесь. Мужчины, сходите к зданию станции, посмотрите, можно ли его приспособить к ночёвке хотя бы женщин с детьми. Девчата, кто пошустрее, слушайте сюда. Надо из вагонов вынести всё, что может пригодиться: бельё, одеяла, посуду. Всё, что найдёте. Заодно проверьте, может ещё кто остался в вагонах – выразительно посмотрел на «полицейского».

– Мы что, ночевать будем на улице? А почему мы не можем переночевать в вагонах?

Илья нашел взглядом говорящего:

– А ты знаешь, как и почему эти вагоны оказались здесь? Вот и я не знаю. Думаешь, вдруг ночью сюда пригонят локомотив, он подцепит вагоны и увезет их? Так вот. Не пригонят. Не увезут. – Поискал глазами, нашел нужного ему человека, – Сашок, ты ходил к станции? Прогуляйся с Фомой-неверующим. Только осторожно там!

– А «малые дети» это до какого возраста? – звонкий мальчишеский голосок.

– Тебе сколько годков? Десять? Давайте так, кто младше десяти, те с мамками остаются, помогут им устроиться, ну а кто старше, тому дело найдём.

И как-то вот закрутилось всё. Мы спустились с насыпи. Лагерь решили разбить, не отходя далеко от железной дороги. Девчонки притащили из вагонов всё, что смогли найти, от использованного постельного белья до бумажных полотенец, туалетной бумаги и зубной пасты.

Обнаружили также молодую женщину с пацаненком. Тоненькая, хрупкая девушка, почти девочка, с огромными испуганными глазами. Она забилась в купе проводницы и боялась выйти из вагона. Ехала в Хабаровск, к родителям. Сбежала от мужа, перепугалась, что поезд остановили, потому что муж её нашёл, вот и спряталась. Отправили её в кучку мамаш. Айгуль – не то татарка, не то казашка, малышу меньше годика.

Одних мужчин Илья послал к ближайшему лесочку, набрать сухостоя для костров, другие сооружали палатки из одеял. Пацанве, тем, кто «старше десяти», было поручено ответственное дело – расчистить площадки для кострищ. Капитан показал мальчишкам, как снимать дерн, как грамотно его укладывать. Инструмент – острые камни или крепкие ветки деревьев.

Кто-то уже составлял списки экспроприированного – чего сколько. Даже пакетики чая из шкафчиков проводниц тща-

тельно пересчитали. Женская тройца нашего купе получила «хлебное» задание: выяснить, у кого какие и сколько продуктов с собой есть, тоже список составить. Несколько мужчин отправились на разведку по окрестностям. Вдруг найдут следы жилья или вообще какой-то человеческой деятельности. Ещё неплохо бы найти речку или ещё какой водоём. В вагонах только по одному неполному кулеру нашлось. Без воды сколько такая орава людей продержится? Только вот даже если найдется вода, как её запасти, как хранить? Задача...

Сам Илья тоже не только задания раздавал. Он взялся составить список пассажиров, всё честь по чести: ФИО, возраст, профессия или какое умение. Самой странной была графа – куда направлялись пассажиры. Бóльшая часть на восток: Улан-Удэ, Чита, Якутск, Владик, Хабаровск.

Но как на наш поезд попали путешественники до Омска, Тюмени, Екатеринбурга, Сургута и даже Казани??? Это же вообще в прямо противоположную сторону! Ведь проводницы каждый билет регистрируют! Видели же куда человек собрался ехать! Почему не развернули «чужих» пассажиров? Проводницы, которые загадочно пропали.

А я так и не определилась, куда ехала. Возможно, в Улан-Удэ? Я там пару раз была, по работе. Но до Улан-Удэ вообще-то почти 40 часов на поезде пилить, а я же планировала только ночь в вагоне провести, это я помню! Хм. Я только один такой маршрут знаю, чтобы вечером сесть, а утром уже на месте. И это до Томска. То есть, совсем не восточ-

ное направление, скорее на север. И за каким чёртом мне в Томск понадобилось? И как так, что я в «неправильном» поезде оказалась?

«Полицейский» сидел на своих баулах, утирал пот с лысины огромным носовым платком и в одиночку переживал свой шок. Сначала он хватал пассажиров за руки, просил объяснить, что происходит. Но от него все отмахивались. Каждый спешил выполнять распоряжения капитана. Потому что, если хоть что-то делать, это помогает справиться со страхом неизвестности. Да и не понимал же никто, что случилось.

Мне даже жалко стало дядьку. Подошла к нему, попробовала успокоить, разговорить. Он так рад был, что хоть кто-то от него не отмахнулся. Выяснилось, что зовут его проще простого – Иван, Иванов сын. Служит в Чите, в военной части, шеф-повар. Ездил в командировку, приобрел вот страшный дефицит – складные канистры для воды, на 15 литров каждая. Оптом, потому что так дешевле получается. Он похлопал пухлой рукой по своим баулам. Ой, божечки, я даже не знала, что такие канистры бывают! Складные.

Наверное, Иваныч страшно удивился, когда я, взвизгнув, подпрыгнула и умчалась в сторону временного «штаба», где рассчитывала застать капитана. От моего известия Илья тоже подпрыгнул и помчался со мной к шеф-повару, чуть не расцеловал его. Ведь ребята нашли довольно чистую речку,

километрах в трех от нашего «стойбища». И тут же дал задание Ивану: сообразить, как хоть чем-то накормить народ. Списки имеющихся продуктов и едоков прилагаются.

Всего в нашем «стойбище» насчиталось 50 человек: 17 мужиков, 23 женщины, 10 детей. Пять семейных пар с детьми, пять без детей, типа Петра с Ниной.

Иваныч нашёл себе на подмогу коллегу, повариху заводской столовой Марину Павловну. Которая, к тому же, тоже в Читу ехала. Вместе они обошли по списку всех владельцев пресловутых яиц и вареных-жареных курочек, экспроприировали. Теперь кумекали, как это добро распределить, чтобы на всех хватило. Конфисковали также и сухпаёк, у кого что было. Печеньки, галеты, всякие «Дошираки», которые, оказывается, люди берут в дорогу. Ну а если кто что утаил, то Бог тому судья.

Мужчины, которые обустроивали для мамашек с детьми здание, видимо, бывшей когда-то станции, к полудню управились. Сказали, что там вполне можно переночевать. Заодно собрали всё, что может пригодиться в нашем хозяйстве.

Перекусили пусть и холодной закуской, пусть не досыта, но худо-бедно голод утолили. И скоропортящимся продуктам пропасть не дали. А то ведь мы прямо из сибирской зимы в непонятно чьё лето угодили. Запили водичкой, сохранившейся в кулерах. На ужин Илья обещал напоить всех горячим чаем! В заброшенном здании обнаружили пару оцин-

кованных вёдер. Грязненьких, но целых. Будет у нас на ужин горячий чай! Возможно, даже с сахаром.

После скромного обеда одни снова по дрова пошли, другие за водой. Илья с водоносами отправился, чтобы самому посмотреть, что за речка, и, может быть, там же и отфильтровать водичку. Для чего чистый комплект простыней прихватили с собой. Иваныч с Маринкой уселись пересчитывать печенюшки, распределять – что на «ужин», что попридержать.

Девчонки из группы «экспроприаторов» ещё раз прошерстили вагоны, но ничего ценного больше не нашли. Назначили «кастеляншу» и снова тщательно пересчитали имеющееся у нас добро. «Учет и контроль – вот главное, что требуется для налажения, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества», В.И. Ленин (Ульянов). Во, как прочно вдолбили моему поколению принципы социализма-коммунизма. Ну что, будем строить социализм для горемычных пассажиров отдельно взятых вагонов.

В ожидании ужина женщины помогали мамашкам перебраться и устроиться на ночлег под крышу полуразрушенного, но всё-таки строения.

И да. Фома-неверующий, которого на самом деле Костей зовут, со своей экскурсии вернулся бледный и ошарашенный. И всем рассказал, что ходил на край света. Буквально край света. В полукилометре от здания бывшей станции, а

нынче «мамашкиного дома», рельсы обрезаны, как лазером. И сразу за обрезом ямища. Диаметр метров 20, глубиной метров 10, не меньше. Как воронка не то от бомбы, не то от метеорита. Кино «Сталкер» видели? Вот и он с Сашко, как те сталкеры, в этот кратер и вокруг него кидали не гайки, конечно, просто камушки. И те исчезали у них на глазах. Прямо в воздухе.

На другой стороне этого кратера и травка растёт, такая же, как здесь, и деревья. Но рельсов там нет. Никаких следов железной дороги. И никакой локомотив за нами не приедет, по крайней мере, с этой стороны.

К вечеру все умотались до предела. Водовозы не только воды притащили, но и рыбы как-то наловили! Мы её на прутиках над костром зажарили. Вместе с печеньками, которые выдал каждому шеф-повар, получился вполне себе ужин! Вёдра женщины худо-бедно отмыли, отдраили. Так что горячий чай у нас был! Такая вот робинзонада. Но сколько мы так протянем?

Уставшие женщины с детьми отправились ночевать в свою резиденцию, остальные расползлись по импровизированным «палаткам» из одеял. Некоторые мужики завернулись в одеяла и расположились прямо на травке, благо погода почти летняя и одеял хватало, с двух-то вагонов. Но не все наши жители ослабли от трудов праведных! Две парочки тайком пробрались в вагоны. Ну что поделать, любовь у них!

Никто и не заметил, как они уединились, а я промолчала. Потом простить себе не могла!

Незаметно наступил вечер. По-летнему тёплый. Отдельное удовольствие, что никаких мошек-комаров и других кровососущих нет. Ну хоть в этом повезло. У вечернего костра остался только стихийно образовавшийся «оргкомитет» из наиболее активных мужчин. Сидели и тихонько обсуждали планы на будущее. А есть ли оно у нас, это будущее? Практически без еды, без крыши над головой.

Николай, строитель, между прочим, предложил разобрать и вынести из вагонов спальные полки и попытаться из них соорудить что-то более надёжное, чем «палатки» из одеял. Но Илья запретил. Вынести из вагонов то, что было туда внесено человеческими руками – это можно. А вот трогать сами вагоны, непонятно кем и как сделанные, не стоит. Подозрительные они, эти вагоны! Ох, как он был прав! Интуиция!

Мне не спалось, потому я тоже пристроилась к «оргкомитету» и его разговорам.

– Григорий, – обратился Илья к одному из мужчин, – ты в своих навыках отметил, что охотник? Где рыбы добыть мы теперь знаем. А что тут насчет дичи?

– Да думал я уже об этом! Дичь здесь есть – зайцы, суслики. Когда шли к реке, в перелеске что-то и покрупнее мелькнуло, не то кабан, не то олешек. И чувствуется, что зверьё здесь непуганое. Людей здесь либо давно не было, либо...

никогда. Оружия у нас нет, но вот силки поставить на всякую живность можно попробовать! Мы когда на станции порядок наводили, я же там кучу проводов обнаружил. Ну я эти проводочки и прибрал, в хозяйстве пригодятся. А ещё можно попробовать отыскать на реке водопой, если олешки тут есть, то всяко к реке ходят. Но мне нужна будет пара помощников. Вот Колю взял бы, – мотнул головой в сторону Николая, – он опытный турист, знает как себя в лесу вести. Тут уже я не промолчала:

– Меня! Меня возьмите в помощники! Я бы искала съедобные травы, а то и лекарственные, я немного в этом разбираюсь. Но в одиночку ходить что-то побаиваюсь, местечко-то незнакомое.

– Это хорошо! Присоединяйся к отряду Григория, будете нашими добытчиками – Илья задумался. – А в одиночку ходить здесь вообще надо запретить. И надо бы хоть какую-то карту местности составить, посмотрю по спискам, кто тут может пригодиться.

– Мы с Костей хотим посмотреть, рельсы с другой стороны, вдруг там тоже «конец света» – откликнулся Сашок. – Нам нужно побольше кольев и собрать у народа красные вещи, у кого что есть. Рубашки там, да хоть трусы! Границы опасных зон надо обязательно пометить. Пару девчонок в помощницы мы найдём.

Илья тяжело вздохнул.

– Ну что же, с ближайшими планами на завтра мы опре-

делились. Все знают, кому что делать.

– А что, есть и дальние планы? – Пётр с надеждой посмотрел на капитана.

– Конечно есть. Вот разживёмся мясом, организуем экспедицию: поиск более удобного места для «стойбища». Чтобы и вода поближе была, и за дровишками далеко не ходить. Шалашики нормальные организуем.

Эээх... Хорошо, когда есть четкий план действий. И человек, который взвалил на себя груз ответственности. Как-то это вселяет надежду на то, что всё у нас получится. Что получится? Для начала – выжить в этой непонятной ситуации.

Костер, у которого мы сгрудились, находился метрах в двадцати от насыпи, где возвышались «виновники» нашего странного приключения. Купейные вагоны номер 6 и номер 7. Невольно бросила взгляд на вагоны. В темноте наступившей ночи они выглядели, как черные мрачные чудовища. Всполохи огня от костра пробегали по стенкам вагонов неясными тенями. И тут волосы у меня на голове зашевелились. Не в силах ничего сказать, я пихнула сидевшего рядом Петра локтем и мотнула головой в сторону насыпи. Наверное, мы с Петром так выразительно пялились на вагоны, что все остальные тоже обернулись. И подскочили со своих мест, с удивлением всматриваясь в то, что происходит.

Вагоны как будто обрастали льдом. Ну или какой-то субстанцией, похожей на лёд. Сначала этим «льдом» покрыв-

лись колёса. Толстая непрозрачная корка быстро поднималась выше по стенкам. К тому моменту, когда все мы устали на это зрелище, этот «лёд» уже достиг окон и полз всё выше и выше. Я рванулась к вагонам:

– Там ребята!!!

Но Пётр молча схватил меня за руку железной хваткой. Так мы и стояли, замерев не то от ужаса, не то от... восторга. Настолько это было потрясающее зрелище. «Лёд», ну или что там было, светился мягким голубоватым светом. Вот он уже добрался до крыш вагонов и покрыл их. Перед нами возвышались две огромные ледяные глыбы, чуть сияющие голубизной. Постепенно эта корка как будто начала таять, становилась прозрачной, как стекло. Стенки вагонов вдруг оказались прозрачными, и вот уже сквозь них видно темное пятно рощицы на другой стороне насыпи. Потом вагоны начали деформироваться, сминаться, как пластиковая бутылка, ошпаренная кипятком. И в какой-то момент обе ледяные глыбы со звоном рухнули на рельсы. Меня как будто током ударило, кончики пальцев закололо тысячей иголок. С Петром, похоже, происходило то же самое. Он отшатнулся от меня и с удивлением рассматривал свои ладони, то поднося их к глазам, то вытягивая вперёд. А сверкающие ледяные осколки уже растекаются лужей по рельсам. И всё. Нет вагонов. Есть насыпь, есть рельсы. Вагонов нет.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, десять минут или пол часа. Ноги вдруг подогнулись и я с размаху

шлёпнулась на землю. И так же безвольно попадали все пятеро мужчин: Илья, Пётр, Николай, Григорий, Сашко. Весь наш «оргкомитет». Вы когда-нибудь видели мужиков, падающих в обморок? Зрелище то ещё!

Похоже, что я оклемалась раньше всех. Села в позу лотоса. Любуюсь необычной картиной. Лежат, голубчики, на спинах, раскинув в стороны руки-ноги. Осторожно потрогала валяющегося рядом Петра – живой. Мужчины зашевелились. Постепенно садятся, кто головой трясёт, кто лицо растирает, как после сна. Илья прохрипел:

– Что... Что это было?

Ха! А я откуда знаю? На физиономиях у ребят застыло такое недоумение, что мне вдруг стало смешно:

– Ну что было, что было... Вы, господа, попадали в обморок, как кисейные барышни! – я уже еле сдерживала смех.

Мужики вопросительно смотрят друг на друга, оглядываются вокруг. А я тихо обалдеваю. Ночь-то никуда не делась. В метре от костра темень непроглядная. А я вижу их, как днём. И веснушки на щеках рыжего Сашко. И седые волосинки в бородке Николая. Светлую полосочку старого шрама на виске у Ильи – её и днем-то не заметно. Я не просто вижу, я, как в бинокль смотрю. Веснушки Сашко – прямо перед глазами. Шрам на виске Ильи – кажется, что можно пальчиком его погладить. А они ведь оба на другой стороне костра сидят. Мои глаза – бинокли ночного видения! И непонятно почему это очень, ну очень смешно! Я начинаю

хохотать в голос!

Мужики смотрят на меня с удивлением, потом начинают несмело улыбаться, и вот мы все хохочем! Какой-то философ прошлого века сказал «смех освобождает от страха». То есть, как бы я не храбрилась в нашей ситуации, как бы не позволяла себе не паниковать, в глубине души, как и у всех, сидел жуткий страх. И я понимаю, что сейчас мой смех вообще не радостный, а истерический. То есть, я тоже надеялась на чудо? Пока на рельсах стояли вагоны, доставившие нас сюда, они были как бы материальным подтверждением того, что мы сюда приехали. А это значит, что рано или поздно, мы отсюда сможем уехать! Не сможем. Крохотная надежда рассыпалась осколками прямо на наших глазах.

На наш хохот из «палатки» выскочила Нина, подбежала к костру. А мы уже от смеха снова валяемся на траве и на можем остановиться. Нина встревоженно ощупывает руки, грудь Петра.

– Петя, Петя! Что случилось? Я слышала какой-то грохот! А Петя отмахивается от неё, утирает с лица слезы:

– Всё хорошо, всё нормально! – обнимает жену, прижимает к себе, и Нина затихает.

Постепенно все тоже успокаиваются. Лежим, в изнеможении, как будто вагон с углём разгружали. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Вагон – это плохое сравнение! Неприятное слово! Вот – как будто марафон пробежали. Странно, что кроме Нины мы никого не разбудили своим хохотом. Умаялся народ. Да и пе-

ренервничали все.

Лежу на спине, смотрю в незнакомое высокое небо. Балуюсь со своим «биноклем»: то приближаю к себе звезды, то отодвигаю. Типа медитирую, такое состояние. Звёзды. Звёзды?

Задумчиво спрашиваю:

– Илья, ты там живой?

Капитан согласно мычит в ответ, значит живой.

– В нашей коммуне есть кто-нибудь, смыслящий в географии или астрономии? Может, морячок какой?

– Ты про карту местности? – лениво отвечает вопросом на вопрос. – Этим Гриша и Николай займутся, уже занимаются. А морячок зачем?

– Капитан, а ты сейчас ровно лежишь? Небо видишь? Звёзды... Морячки, они по звездам умеют ориентироваться.

– Я турист-любитель, – слышался вялый голос Николая, – тоже могу по звёздам. Да и Гриша, наверное... – Коля резко замолчал, сел и протяжно рывкнул: Тваююю мааать!

Дошло, да? Красивое небо. Усыпано яркими звёздами. Чужими. И Луны нет. От слова совсем. Я, конечно, в астрономии не дока, но Медведиц и Полярную звезду в состоянии углядеть. А нету их, Медведиц. С другой стороны, я же никогда не была в южном полушарии. Только бултыхаются в памяти красивые названия созвездий: Южный Крест, Боль-

шой Пёс, альфа-Центавра... Видеть не видела. Всё больше из «пиратских» песенок названия всплывают.

– А я и говорю, что нам морячка бы какого. Может, мы в южном полушарии? Они в этом разбираются. И как раз там лето, когда у нас зима. Теоретически ведь такое возможно?

– Теоретически мы и на другую планету могли улететь – буркнул Николай.

Вялость и апатию с мужиков, как корова языком слизала. «Ёшкин кот!», «Епонский городской!», «Твою дивизию!» и другие, почти непечатные, выражения посыпались со всех сторон.

Не многовато ли приключений на наши головы?

– Мужики, – я вздыхаю, – если что, то я год на психотерапевта училась. Даже сертификат есть. Так что... Не стесняйтесь, записывайтесь... В связи с чрезвычайным положением консультации бесплатно.

Сохранять чувство юмора в любых, даже в критических ситуациях – это наше всё. Особенно в критических. Мужики снова заулыбались. Илья поднял руку, как школьник в классе:

– Меня! Меня первого запиши на консультацию! – И уже серьёзно добавил: Давайте так. Я сам завтра доложу обстановку. Без подробностей. Сидели у костра, услышали звон, обернулись – вагоны исчезли. Всё.

– А как же... Как же ребята? Четверых мы завтра не дочисляемся...

— С ребятами да, сложно объяснить, — тяжело вздохнул капитан, — но, тем не менее: ничего не знаем, ничего не видели. Ребят жалко, но тут мы ничего поделать не можем.

— Знаете что... — я задумчиво посмотрела на чужое небо. — А вы не торопитесь их хоронить. Возможно, что их куда-то «перенесло», точно так же, как нас «перенесло» сюда!

— Но как же? Вагоны ведь прямо сплющило! Они рассыпались у нас на глазах! Поясни! — мужики взволнованно засыпали меня вопросами.

Пётр с Ниной уже сидели в обнимку и тоже вопросительно смотрели на меня.

— Пётр, ты помнишь, как ты меня разбудил? И как окно в купе заволокло серой плёнкой. И как в вагон начал просачиваться тот липкий туман. А многие ведь, скорей всего, это явление просто проспали. А мне не спалось и я видела, как появилась эта серая пелена, как постепенно поднималась по окну. Я думаю, то, что мы с вами только что видели, это точно такая же пелена, только сейчас мы видели её снаружи. И тем не менее, мы не погибли же? Нас просто «перенесло» сюда, неведомым образом.

— Да, вагоны рассыпались прямо на наших глазах. — Я продолжила задумчиво рассуждать. — Коллективных галлюцинаций не бывает, люди сходят с ума по одиночке. Впечатляющее зрелище! Но я больше чем уверена, что когда поутру мы поднимемся на насыпь, мы не увидим на рельсах ни кусочка стекла или еще каких-то остатков вагонов. Нас здесь

«высадили» и вагоны... помчались дальше. Наверное. Вместе с нашими влюблёнными парочками. Видимо, этим четверым другая «станция» назначена. И мы все оказались здесь не просто так.

Снова посыпались вопросы:

– Что значит «высадили»? Кем «назначено»? Ты что-то об этом знаешь? Как же вагоны помчались, там же, впереди, рельсов нет! Что значит «не просто так»???

– Ребята, ну вы что... Для меня же, как и для вас, всё происходящее – полная неожиданность и запредельная фантастика. Просто... есть некоторые мысли. Но я пока не готова их озвучить. А рельсы. Во-первых, мы не знаем что с рельсами на другом конце этой... однокорейки, ещё не проверяли. Во-вторых. Разве волшебному, фантастическому поезду нужны рельсы? Точнее, отдельно взятым фантастическим вагонам совершенно обычного поезда. Вас не смутило, то, что наши два вагона были какие-то странные? Красные, как кумач. А садились вы в обыкновенные? В зелёные?

– Похоже, что и мой кошмарный сон, когда я своими криками разбудила Петра, тоже был не просто так – продолжила я. – Это было как... как предупреждение. Согласись, – я посмотрела на Петра – что это было предупреждение об опасности? А такие предупреждения мобилизуют. Ты почему-то понял, что, когда мы остановились, вагон нужно немедленно покинуть. Кто-нибудь обратил внимание на такую «ме-

лочь» – пассажиры высыпали из вагонов *с вещами*. Разве так ведут себя пассажиры, если поезд почему-то остановился, не доехав до станции? Ну, выскочит кто-то из вагона, попробует узнать, что случилось, надолго ли остановка. А тут все как будто *знали*, что свой багаж надо брать с собой.

– И вагоны, прежде чем испариться, милостиво позволили нам забрать из них всё добро – усмехнулся Илья, – которое нам очень даже пригодится. Прямо хорошие сказочные феи! Жалко, что никаких инструментов не заготовили для нас! Топора какого-нибудь или хотя бы лопат.

– Ну и не зря же ты не разрешил выламывать полки! Чувствовал, что нельзя? – подхватила я «сказочный» настрой. – Представляешь, повыламывали бы мы нашим феям руки-ноги или что там ещё у них бывает. Точно обиделись бы на нас!

– Думаю, что у каждого в жизни был хоть один необъяснимый случай, когда что-то, какой-то знак, помогал избежать неприятностей или даже гибели! – я улыбнулась, вспомнив тот шторм на Васюгане.

Григорий заметил мою улыбку:

– Вспомнилось что-то? Рассказывай! Всё равно сна ни в одном глазу.

– Ребята, наверное, нам стоит хоть немного поспать, – я посмотрела на Нину, которая уже спала, уткнувшись в грудь Петру, – у нас же на завтра наполеоновские планы!

Но Илья поддержал Гришу:

– Я всё равно не усну, не терпится дождаться рассвета и

посмотреть что там на рельсах! Так что давай, сказочница, свою историю.

«Сказочница»! Вот припечатал так припечатал!

Ну что ж, будет вам сказание о земле сибирской.

– И случилось это в незапамятные времена, в Томской губернии, – начала я тоном сказительницы, – на реке Васюган. Может кто слышал про Васюганские болота, самый крупный в мире болотный массив? Вот в этих болотах и берет начало река Васюган, левый приток великой сибирской реки Обь. Наша компания путешествовала вдоль Васюгана, не важно почему и зачем. Путешествовали на УАЗике. И было нас пятеро, двое парней и три девчонки. Останавливались в интересных местах, а места там красивые! Первую ночевку организовали на берегу, где-то в среднем течении реки. В этом месте река судоходная, глубокая прямо у берега. А течение такое сильное, что не поплаваешь, сносит. Так что ежели кому хотелось освежиться – вцепляешься в береговые камни, осторожноенько опускаешься в воду – а там уже метра полтора – и болтаешься, крепко-крепко держась за камни!

Место для ночёвки выбрали не самое удачное – берег настолько каменистый, что поставить палатку это была целая проблема. К тому же наша новенькая трех-местная палатка в реале

оказалась двух-местная! Втроём, да с рюкзаками, там ну просто не разместиться. У ребят с собой оказалась одно-местная палатка, которую они выдали мне, а сами собра-

лись ночевать в УАЗике. С большим трудом удалось вколотить в каменистый грунт колышки и поставить палатки. Поужинали и расползлись по спальным местам. А погода к вечеру чуть подпортилась. Тучи понабежали, мелкий дождик заморосил. Ветерок поднялся. Но ветерок на Васюганье это хорошо! Знамениты эти края сумашедшим обилием гнуса. Ветерок слегка разогнал полчища кровопийц. Забравшись в палатку и выгнав уже набившееся туда комарье, я сладко уснула.

Я оглядела своих слушателей – не уснул ли кто под мой рассказ. Нет, слушают внимательно, ждут когда же фантастика начнется.

– Проснулась я от звонка мобильного. Спросонья долго не могла найти его в рюкзаке, а когда нашла, то телефон уже молчал и высветилось «пропущенный звонок». Номер совсем незнакомый. Но размышлять о том, кто же мне среди ночи мог позвонить, уже было не до того! За стенками палатки вдруг началось что-то невообразимое! Ливень, как из ведра! Ураганный

ветер рвет палатку! Через распахнувшийся от ветра тамбур в палатку влетают буквально потоки воды! Я мгновенно промокла насквозь! Чувствую, что палатку тащит к реке! Я распласталась,

раскинув руки-ноги, пытаюсь своим телом удержать палатку от сползания. Цепляясь всеми мыслимыми и немыслимыми частями тела за любую неровность, по которой меня,

облепленную мокрой палаткой, неумолимо тащило прямо в реку. Вы пробовали когда-нибудь зацепиться за опору ягодичными мышцами или позвоночником? Вот когда я пораздовалась своему лишнему весу! Будь я килограмм на десять легче, меня точно сбросило бы в Васюган, а там... Вряд ли я в этой штормяге выпуталась бы из облепившей меня палатки! Я, наверное, даже ничего понять не успела бы.

Внезапно всё прекратилось. Ни ливня, ни ветра. Я кое-как освободилась от палатки, вылезла на свет божий. У девчонок было не лучше. У их палатки тоже повырывало колья, но хотя бы не сорвало саму палатку с места. Рассвет мы встречали насквозь мокрые и перепуганные таким буйством стихии. Целый день потом сушили свое барахло.

И я так и не узнала – какая фея меня разбудила ночью. На все мои попытки потом перезвонить по этому номеру появлялось сообщение «номер набран не правильно», «такого номера не существует». Ну мистика же какая-то! Так это и осталось для меня загадкой. Такая вот... сказочка, основанная, как говорится, на реальном событии.

А сколько таких «звончков» мы в своей жизни просто не замечаем? Почему-то не смог пойти на концерт в «Норд-Ост». Опоздал на поезд-самолёт. Ну и всё такое.

– Да, я слышал, читал – возбуждённо заговорил Сашко, – что существует даже статистика, что на самолёты и поезда, чьи рейсы закончились катастрофой, опаздывает или сдаёт билеты перед рейсом значительно больше людей, чем обыч-

но. Считается, что у них интуиция сработала!

Внес свою лепту и Николай:

– А я в молодости интересовался хиромантией. Так вот, хироманты знают, что на ладонке у человека есть знак, который говорит о том, что у этого человека хорошо работает в мозгах некий «центр безопасности». Например, девушка с таким знаком на руке никогда не пойдёт ночью в тёмный переулок, никогда не сядет в подозрительную машину, ну и не полетит на самолёте, которому предстоит катастрофа. Но как выглядит такой знак, я так и не выяснил. Это в Индию надо ехать, там профессионалов-хиромантов искать надо!

Вот бы не подумала, что такой серьёзный мужик, как Николай, хиромантией увлекался!

– Даааа, знать бы, что это за знак – я вздохнула. – Тогда стало бы понятно – мы-то все попали в катастрофу или, наоборот, спаслись от неё?

– Ты вроде намекала, что у тебя есть соображения на этот счёт – с интересом посмотрел на меня Илья. – Может быть, поделишься?

– Ооо! Я пока не уверена в своей версии, надо ещё поговорить с народом, подумать... Списки твои посмотреть... Интересно же, почему в этих вагонах оказались пассажиры, которые собирались ехать в совсем другую сторону! И, как хотите, но я, кажется, засыпаю.

Пётр уже давно унёс заснувшую Нину в свою «палатку»,

я пошла разыскивать нашу с Нинэль.

– Ми-и-ла, просыпайся! – кто-то стягивает с меня одеяло, но я сопротивляюсь.

– Мммм... Не хочуу... Я вообще в отпуске!

– Аха! – хихикает знакомый женский голос – В отпуске! На Канарах!

Я открываю один глаз. Что за чертовщина? Где это я? Почему кутаюсь в какое-то незнакомое одеяло? Женщина меня какая-то тормозит... Оу! Это же Нинэль! Я сразу всё вспоминаю.

– Просыпайся, просыпайся, там Илья ждёт, когда все соберутся, какое-то важное сообщение у него. Хочешь, я тебе чаю принесу, чтобы легче было проснуться?

– Ну, вообще-то, сначала хотелось бы с точностью до наоборот. А уж потом умыться и чай.

Вот всё-таки опытный организатор этот капитан Илья! Обеспечить более-менее нормальное существование пяти десятков человек, непростая задача. Но он и о таких «мелочах» позаботился. «Отхожие» места «М» и «Ж» мужики ещё вчера обустроили. Недалеко от «стойбища» нашли какие то канавки (лопат то нету!), перекинули через них доски, приращенные со станции, вполне приемлемо в наших-то условиях. Какой-то шутник на ветку ближайшего кустика приладил рулон туалетной бумаги из вагонных запасов, а также

объявление «Товарищ! С сегодняшнего дня открыт месячник экономии туалетной бумаги!».

Ну, а что. «Война войной...», а организмы работают в нормальном режиме. Им же пока почти без разницы, что их хозяева оказались неизвестно где и как. И на сколько. Поэтому экономить нужно всё!

Умылась горсточкой воды и поспешила к «столовой». Там уже собрался весь наш коллектив. Углядела в толпе Илью, вопросительно посмотрела на него, кивнув головой на насыпь. Он меня понял, пожал плечами и развел руки в стороны, жестом «так и есть». Ничего не обнаружили. Но мне всё равно надо самой сходить, посмотреть на рельсы. Может быть, своим новым зрением я что-то угляжу. А то, что мой «бинокль» никуда не делся, я убедилась, пробираясь сквозь кусты к локации «Ж».

Иваныч с Маринкой приготовили завтрак на выбор аж из двух блюд: жиденькая овсянка из геркулеса на воде и «Доширак». «Доширак» решили раздать «семейным». Потому что одна порция на двоих. Овсянку разливаем по стаканам, их у нас полно. Выпил, протёр салфеточкой, иди с этим же стаканом за чаем. «Детным» семьям раздали остатки печенья и галет, для ребятишек. Если не получится сегодня добыть рыбки, кроликов-сусликов, будет совсем не весело.

А когда приступили к чаю, Илья встал, поднял руку, призывая к тишине. И очень коротко сообщил про ночное происшествие. Засиделись вечером у костра, слышали непо-

нятный шум, оглянулись на вагоны, а вагонов на прежнем месте нет. Испарились! Оказывается, многие даже не заметили, что вагоны исчезли! Народ заволновался, слышались где растерянные, где возмущённые возгласы: «Как же так!», «А как же мы?», «Что же теперь будет?!»

– К сожалению, четверо наших товарищей вечером тайком пробрались в вагоны и тоже пропали.

Послышались испуганные «охи» и «ахи» женщин, мужчины тихонько матерились. Женщины несмело перешёптывались: «А кто пропал то? – Да это наши влюбленные парочки! Приспичило же им уединиться!».

– Я же говорил, я же говорил, что ночевать надо в вагонах! – чуть не плакал Костя – Сейчас бы ехали спокойно, кому куда надо, а не всё вот это... – он махнул руками в сторону нашего убогого «стойбища», показывая, что имеет ввиду под «этим».

– Прекратить истерику! – рявкнул Илья. – Мы не знаем, что произошло и с вагонами, и с нашими товарищами. И ничего с этим поделать не можем. Сейчас «всё вот это» – только то, что мы имеем.

И уже совершенно будничным тоном продолжил:

– Уточним наши планы на сегодня. – Илья проигнорировал возбужденные голоса растревоженных пассажиров. – Сашко и Костя. Организуйте всех женщин на поиск любой одежды яркого цвета, желательно красного. Пусть порежут

на ленточки. Заготовьте колья для вешек, пацанов привлечите. Ваша задача – оградить вешками с красными метками опасное место у котлована на востоке. Если успеете, то обследуйте западную часть рельсов, два-три километра, дальше не уходите.

Николай, Григорий, Мила, вы идёте на охоту. Подберите экипировку, подумайте, что ещё может понадобиться. Если есть добровольцы, возьмите с собой. Мало ли, – улыбнулся, – вдруг оленя или кабана завалят, тащить придётся. Остальным – продолжить обустройство лагеря, сбор сухостоя для костров. В лесу не расходиться, всегда быть в зоне видимости двух-трёх человек.

Всё чётко и ясно. Народ взбодрился, всем нашлось дело. Неожиданная пропажа вагонов и влюблённых парочек отступила на задний план.

В нашу группу «добытчиков» добровольцы-мужчины нашлись легко, а вот среди женщин пришлось выбирать. Мы же все прибыли из зимы! И обувь была соответствующая: зимние сапоги да утеплённые ботинки. По «стойбищу»-то можно и босиком ходить, но в лес босиком не пойдёшь же.

Местность вокруг больше всего похожа на европейскую холмистую равнину. Невысокие холмы, поросшие кустарником и деревьями, чередуются с широкими луговинами. То там, то здесь виднеются небольшие рощицы деревьев. Модницам с обувью на высоких каблуках пришлось отказать, в том числе и нашей Нинэль. На каблуках по такому рельефу

не очень то разгуляешься. Но Нинэль так хотела присоединиться к нашей группе, что поставила на уши всё женское население, но нашла себе подходящую обувь. И через полчаса наш отряд отправился на охоту за едой. Трое девчонок и пятеро мужчин.

Отправились к реке, туда же, где вчера наловили рыбы. По дороге Коля и Григорий то на лугу, то в кустах ставили силки, в надежде, что удастся с их помощью поймать зайцев или ещё каких зверьков. Как они решали, где поставить силки, это только им известно, только на их охотничье чутьё надежда. Ну а я надеялась, на то, что среди здешней флоры встретятся знакомые мне растения, которые можно будет употребить в пищу. Конечно, встретились!

Мы с девчонками под завязку набили наволочки молодой снытью и папоротником-орляком. Потом помогли мужчинам в рыбной ловле. Выбирали из «ведра» мальков и отпускали их в реку. А Николай с Григорием пошли вверх по реке, хотели найти водопой местных животных. Где потом на них, может быть, удастся поохотиться.

Пока Николай и Григорий не вернулись из своей разведки, а рыбы мы уже наловили достаточно, я прогулялась вокруг. Поднялась на самый высокий из холмов у реки. Здесь росли довольно крупные березы и ещё какие-то деревья, похожие не то на вязы, не то на клёны. У одного толстеного дерева нижние ветви начинались почти от земли. Не долго думая, я скинула свои зимние ботинки и вскарабкалась на

дерево так высоко, как смогла. Холмы, холмы до горизонта, луговины между ними. Включила свой «бинокль» (пока не понимаю, как я это делаю): вот внизу подо мной наша речка, вот девчонки и рыбаки расселись на бережку, о чем-то болтают, хохочут. Ниже по течению блеснула гладь воды. Озеро? Присмотрелась повнимательнее вокруг этого, предположительно, озера. И чуть не свалилась с дерева. Мираж? Галлюцинация? Зажмурилась, потёрла глаза, снова их открыла. Нет! Не мираж!

Я аккуратно спустилась с дерева. Посидела, прижавшись спиной к стволу, пережидая, когда схлынет волнение. И, как ни в чем не бывало, направилась к ребятам. На вопросы «Ну что там? Что-нибудь увидела?» спокойно отвечала: «Да всё тоже самое, холмы, холмы... Вниз по течению вроде озеро есть, надо будет разведать, что за озеро.»

«Домой» мы возвращались усталые, но довольные. Мужчины наловили рыбы, наверное, с ведро. Просто зашли в речку по колено, опустили в воду по течению наволочки из распотрошённых постельных комплектов, рыба сама туда набивалась. Мелочь выбрасывали обратно в воду, а что покрупнее, скидывали в пластиковый пакет из под постельного белья, который превратился в импровизированное ведро. Голь на выдумки хитра! Григорий и Николай нашли таки выше по течению предполагаемый водопой местного зверья. И всю дорогу «домой» спорили, как теперь поймать добычу. Ружья то нет!

Как ни странно, в силки попались зайцы! Целых три штуки! «Я же говорил, непуганое тут зверьё» – улыбался Гриша, вынимая зайчиков из петель. Неприятное зрелище, но есть-то что-то надо! Девчонки тащили свою «бескровную» добычу. И папоротник, и сныть, отличная будет добавка хоть к рыбе, хоть к зайчатине! Народная присказка: «доживем до сныти – будем жити».

Куда бы мы не попали, по растительности это точно лесостепной район, средняя полоса. И в этих краях сейчас конец мая-начало июня.

Но самое главное открытие я мужественно несла внутри себя, ни словом не обмолвилась. Нечего народ будоражить, сначала надо с Ильёй обсудить мою находку.

Глава 2. Нью-Простоквашино. Мы переезжаем!

Нéчего народ будоражить, сначала надо с Ильёй обсудить мою находку.

Когда мы появились из-за последнего холмика, весь табор выскочил нас встречать. И столько было ликования и радости на лицах! Честное слово, захотелось что-нибудь победное запеть! Но ничего подходящего не вспомнилось и я заорала:

– Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры, дети рабочих!

И мужские голоса нашей группы «добытчиков» неожиданно подхватили:

– Близится эра! Светлых годов! Клич пионеров! Всегда будь готов!

А женщины, ну, что женщины. Молоденькие они ещё, они не только пионерию, они,наверное, и комсомолию уже не застали. Но и они стали подпевать припев, одновременно хочоча. Вот так, под Гимн пионеров мы и вошли в «стойбище». А что, в тему получилось: взвейтесь кострами, мы еду принесли!

Солнце уже перевалило за полдень. На обед-то народ до-

едал утреннюю овсянку да чаем запивал. Мы вообще не обедали. Но зато ужин у нас будет королевский! Мужчины взялись свежевать зайцев и разводить второй костер, хорошо, что хотя бы два ножа у нас в хозяйстве было – у Ильи и у Григория. Женщины чистили рыбу, приспособив для этого какие-то железяки со станции и даже камни с острыми краями. Мальчишки выбирали подходящие прутики для запекания рыбы. Я обговорила с Иванычем, что папоротник срочно надо пробланшировать, а то он деревянным станет. А сныть потушить, как капусту. С облегчением разулась и упала на траву.

Подошёл Илья, присел рядом:

– Ну, рассказывай, что случилось? От чего это ты так улыбаешься, как будто... как будто в МЧС дозвонилась.

Чувствую, что и правда, не могу сдержать улыбку от уха до уха:

– Аха. Дозвонилась. И через полчаса за нами эскадрилья вертолетов прилетит. Не дадут ведь зайчатиной полакомиться! – я изобразила горестный вздох.

– А на самом деле?

– Илья, можно сначала тебя спросить... Ничего, что я на «ТЫ»?

– Нормально на «ТЫ». Это и есть твой вопрос?

– Нет, мой вопрос по поводу ночного происшествия. Скажи, в момент обрушения вагонов у тебя появились какие-то

необычные ощущения? И после. Кроме обморока, который всех свалил с ног? Не замечаешь за собой чего-то странного? Какие-то непривычные чувства, может быть даже мысли?

– Конечно замечаю! – Расплылся в жизнерадостной улыбке. – Вот почувствовал, что ты мне хочешь что-то рассказать! И мысль появилась, что ты увидела что-то интересное! – с улыбкой смотрит на меня.

Понятно. Отшучивается. Трудно будет объяснить.

– Хорошо. С натяжкой, но – зачёт. Тогда слушай.

– Вниз по реке, примерно через три-четыре холма от места рыбалки есть озеро. И, кстати, там же обрывается западный участок рельсов. Это, наверное, в паре-тройке километров от этого нашего «стойбища». А чуть южнее озера, на левом берегу реки, есть деревня. Похоже, что заброшенная. Домов тридцать, может больше. Самые натуральные деревянные дома. С трубами на крышах. Но ни людей, ни животных не видно. Просто Нью-Простоквашино какое-то.

Илья обалдело смотрит на меня, соображая – я снова шучу? Как про звонок в МЧС? Задумался, а потом вдруг развеселился:

– И когда ты всё успела узнать – про рельсы, про озеро? Ты же, как пришла, сразу свалилась! Когда успела переговорить с народом? Да, так и есть, примерно в трех километрах от нас рельсы точно так же обрезаны, как лазером. Но вместо воронки там озеро. Мне ребята рассказали, что ты залезла на дерево и оттуда обзревала окрестности. От места, где

вы рыбачили, до озера, если по реке, навскидку километров пять будет. Никак ты не могла его увидеть, даже с самого высокого дерева. И никакой деревни никто не видел. Сказочница ты наша.

– Деревня есть – я вздохнула. – С нашей стороны озера её не видно, холмами прикрыта. Там от деревни даже заброшенная дорога к реке просматривается. Я пока ничего никому не сказала, чтобы людей не будоражить. Только тебе, капитан. Тебе решать, что с этим делать. Судя по тому, что я увидела, людей в деревне нет. Но дома есть.

И я рассказала ему про свой «бинокль ночного видения», который появился у меня ночью.

– И я подозреваю, что со всеми, кто наблюдал «испарение» вагонов, тоже приключилось что-нибудь необычное. Понимаю, что тебе трудно в такое поверить. Тем более, что сам ты за собой пока ничего необычного не замечаешь.

Илья всё так же недоверчиво смотрел на меня.

– Могу продемонстрировать хоть сейчас.

Я огляделась вокруг. На чём бы продемонстрировать?

– Вон ребята у дальнего костра зайца на вертеле крутят. Тебе видно, кто это? Правильно, Алекс и Гена. Ты видишь, что у Гены на предплечье татуировка? А она есть. Сердечко, пронзённое стрелой. Размером с металлический рублик. И где это я раньше могла увидеть? Он рубашку минут пять на-

зад скинул, видать, поджарился у костра. А мы с тобой уже минут пятнадцать сидим и я не отходила. Сам же говоришь, как пришли, так я и свалилась.

– И в темноте вижу – смущённо пробормотала я. – Твой шрамик на виске я ещё тогда, ночью, увидела. Ну и вообще. Я доложила, что видела. Ты капитан, тебе и решать, что с этим делать. Ой, я сейчас от запахов просто в обморок упаду. Пойду хоть рыбку какую себе зажарю.

И я убежала к кострам, откуда доносились умопомрачительные ароматы.

Подхожу к «обеденному» костру, а мне Нинэль рукой машет:

– Иди сюда! Я тебе рыбки отложила! А то мужики-то хитрые, сами червячка заморили, а что ты тоже голодная не подумали! Могли бы и подождать со своими расспросами!

– Нинэль, ты золото! Вот уж спасибо, я реально сейчас слона бы съела!

– Слонов нема, а вот над зайчатиной мужички упариваются. Обещают, что через полчаса будут нам зайчики. С салатами из наших травок!

Вот тут-то, в ожидании трапезы, Нинэль и рассказала о своём женихе, о неожиданно рухнувших планах на семейную жизнь. А я, как могла, пыталась утешить её. «Что не делается, всё к лучшему». Только мы не всегда это сразу понимаем.

– Нинэль, а ты что-нибудь знаешь про наших... пропавших? Говорят, что это были влюбленные парочки?

– О, да! Женщины рассказывали! Там такие истории – Шекспир отдыхает! Одна парочка, Олег и Ольга, забавно, да? Имена почти одинаковые! Они познакомились случайно, в институте, ну там то да сё, любовь-морковь. Собрались пожениться, а родители рогом упёрлись, причем у обоих! Ну просто категорически против, а почему, объяснить не могут. Или не хотят. Но Ольга докопалась до причины. Она сама это рассказывала женщинам, с которыми они с Олегом в одном купе ехали. Оказывается, в молодости её мама чуть не вышла замуж за отца Олега! А у мамы Олега был роман с отцом Ольги! Представляешь? Но обе эти пары рассорились прямо перед своими свадьбами. Как получилось, что потом они вот так, крест на крест, переженились, не понятно, но до сих пор не простили друг другу своих обид. И поэтому они, все вчетвером, против брака своих детей. В обеих семьях начались скандалы, сердечные приступы и всё такое. Вот ребята и решили сбежать от родителей подальше. Они оба педагоги, ехали работать учителями, вроде в Благовещенск, у них даже приглашение из школы было. Сбежали, называется... – Нинэль вздохнула. – Женщины, которые с ними в купе ехали, говорят, что очень приятные ребята. Были.

– Да уж. Действительно, Шекспиру и не снилось. А про вторую парочку что-то известно?

– О! Там другая история! Мария и Семён. Там отец-дес-

пот, не то что замуж, даже дружить с парнями дочке не разрешал. Мама у Маши рано умерла и он дочку один воспитывал. Как в казарме жила. Строго по расписанию. Даже просто в парке погулять, только с охраной. Папаша-то из богатеньких бизнесменов. Всё боялся, что дочку украдут ради выкупа. Всех потенциальных кавалеров отшивал на раз-два. Девчонке уже тридцатник, а папочка её везде за ручку водит. Даже не понятно, как ей удалось влюбиться! Мало того, что её возлюбленный, Семён, лет на пять младше, так он ещё и «не статусный», простой строитель. Это Машиного отца больше всего бесило. Как это, ЕГО дочка собирается замуж за простого работягу! Он сам найдёт ей подходящего мужа! И нашёл! Сынка своего партнера по бизнесу. Вот тогда ребята и решили, что пора смыться. И это целый детектив, как Маше удалось выбраться из дома, обмануть охрану, прятаться у друзей Семёна, пока им не помогли тайком попасть на наш поезд.

– Получается, что все четверо попытались сбежать от той жизни, которую им навязывали. Вот и Айгуль, она же тоже от мужа сбежала. Себя и сынишку пытается спасти от мужа-изверга. Не знаешь, почему она заплаканная ходит? Скрывает, но видно, же. Переживает, что до родителей не доехала? Что они волнуются?

– Сбежать-то она, может быть, и сбежала, но только ехать-то ей на самом деле некуда. Никто там не волнуется, она и не сообщала родителям, что едет. Там ещё не известно, примут

ли её родители, они были против её брака. И против внука.

– Как так?! – я не могла скрыть удивления.

– Она замуж вышла «по залёту». Точнее, её изнасиловал один козел, а замять дело не удалось. Ну вот он и женился, чтобы в тюрьму не угодить. А у родителей Айгуль позиция, что она свою семью опозорила. Типа сама виновата, потому что «су.. не всхочет, кобель не вскочит». Вот и ревёт Айгуль по ночам.

– Понятно. И, наверное, причитает «я никому не нужна», «я никто и ничто» – всё, что ей муженёк вколотил, в прямом смысле. Он же, как я поняла, бил её, скотина. Надо ей какое-то поручение придумать, чтобы она себя нужной почувствовала.

– Да женщины уже придумали! Она за детьми присматривает, пока мамашки на кухне или ещё где помогают. Играет с ними, сказки рассказывает. И ребятишки с ней с удовольствием остаются!

А я мотаю себе на ус, складываю эти истории в свою копилочку. Я уже практически не сомневаюсь, что не просто так всё, что с нами произошло. Похоже, что все мы тут – «беглецы». От чего-то или от кого-то. И мне кажется очень важным понять почему и для чего нас какие-то силы собрали на этом «титанике». Надо бы и у мужиков аккуратненько выведать, какие такие грехи или беды привели их в этот поезд, в эти

вагоны. Но это потом, потом. Сейчас все силы уходят на добычу еды и создание более-менее комфортного существования. Хотя бы спать не под открытым небом. А вдруг дождь? Интересно, поверил мне капитан?

И вот Иваныч стучит по ведру железякой, привлекая внимание:

– Дамы и господа! Кушать подано! Приглашаем всех в банкетный зал!

Ну, нормальный такой банкет получился. Я быстро проглотила свою порцию зайчатинки, закусил салатом из орляка. Подсела к мужичкам из нашего «оргкомитета».

– Что вы решили? Идём смотреть деревню?

– А куда мы денемся. Конечно, идём. Ты с нами? – Илья вопросительно посмотрел на меня.

– Конечно, с вами. Кого вы материть будете, если не найдём деревню? Может быть, это действительно у меня была галлюцинация? – я довольно улыбнулась. – Путь то не близкий. Надо же, как я понимаю, брод найти. Да такой, чтобы потом всех смогли перевести на ту сторону.

– Мне бы твоей уверенности!

– Мила, а ты что, правда можешь, как в бинокль видеть, – не утерпел Сашко, – и в темноте?

– И в темноте тоже. А вы? У вас появились какие-то необычные способности? – я обвела взглядом мужчин. – Пётр, я же видела, тебя тоже как током ударило! Вспомни,

ты почему руки свои так внимательно разглядывал? Что-то почувствовал?

– Ну да, как будто ток по мне пропустили, пальцы закололо. Но ничего необычного за собой не замечаю.

И Николай, и Сашко помотали головами – ничего необычного с ними не происходит. Николай – с удивлением, Сашко – с огорчением. Хочется парню, чтобы и с ним что-то необычное приключилось.

И только Григорий смущённо произнёс:

– Ну, у меня... Вроде как нюх улучшился, – он с подозрением посмотрел вокруг, не смеётся ли кто-нибудь.

Никто не смеялся, смотрели на него с интересом, что вдохновило Григория:

– Вот реально, нюх, как у собаки! Никогда так не было! Вы знаете, что силки на зайцев обычно ставят зимой? На заячьих тропах, то есть, когда их следочки на снегу хорошо видно. А летом-то следов не видно! Летом-осенью силки помогают, только если точно возле норы поставить. А сегодня я как будто чуял запах зайцев, где их тропинки. Там и ставили мы силки. Но это я не знаю... можно ли считать необычным. Может, случайно зайцы в них попались.

– Гриша! Твои случайные зайцы полста человек накормили!

Все невольно заулыбались.

– Ну всё, – хлопнул себя по коленкам Илья и поднялся. – Давайте, ребята, на боковую. Постараемся завтра с утра

пораньше выйти. Чую я, что денёк будет не лёгкий. Мила, утром сама проснёшься или подергать за ногу?

– Подёргать! Без меня уйдёте – обижусь! И порчу нашла на вас! – прорычала я замогильным голосом.

Проснулась сама, как только услышала, что у костра кто-то шебуршит. А это Иваныч уже раздувает костёр и вёдра для ухи и чая прилаживает. «Оргкомитет» уже весь на ногах. Ну и я, быстренько ополоснула физиономию и присо-единилась. Хлебнули чая для бодрости. Иваныч сунул Илье какой-то пакет. Тот закинул его в сумку.

Идти решили по рельсам, до «озера», а там уж решим, как брод искать и на другую сторону перебраться. Николай всю дорогу что-то чиркал в блокноте. Он, оказывается, карту местности пытался зарисовать. А карта наших «владений» нам совсем не помешает.

– Сашко, а вы, когда до конца рельсов дошли и «озеро» обнаружили, вы камушки туда пробовали кидать? Тоже исчезают, как на нашем конце? – мне было страшно любопытно, ведь вполне может быть, что другой берег реки тоже запретная «зона» и нас туда просто не пустят.

– А как же! Обязательно кидали! И в «озеро», и вокруг него. Так увлеклись, что не останови я народ, половину насыпи перекидали бы. Нормально камушки плюхались и в воду, и на траву за

речкой. Она в месте впадения в «озеро» совсем узенькая. Никуда не исчезали! И там, напротив рельсов, очень стран-

но. Ну, скоро сами увидите.

И мы увидели. С «нашей» стороны, которую я стала называть «восточная», – мы же вроде на восток ехали? – после котлована, похожего на воронку, расстился почти ровный участок степи. Лишь вдалеке просматривалась небольшая холмистость и темнели полосы древесных насаждений. С этой, «западной» стороны, рельсы так же аккуратно были обрезаны, такой же котлован, но заполненный водой. А на другом берегу этого «озера» местность холмистая, между грядами холмов довольно широкая ложбина, где вполне могла бы продолжаться железная дорога. Но не продолжалась. Рельсы отсутствовали. Такое впечатление, что где-то вынули кусок железной дороги – вместе с насыпью, рельсами, шпалами – и поставили на этот участок земли, где мы сейчас находимся. И «огородили» котлованами, похожими на воронки не то от бомб, не то от метеоритов. А на рельсы поставили два вагона. Которые потом убрали. Кто «вынул»? Кто «огородил»? Кто, как и почему «убрал» эти странные вагоны? Вряд ли мы сможем это когда-нибудь понять. Ну, как минимум, не сейчас.

«Озеро» по размерам больше напоминало пруд, но по сути это было проточное озеро (поэтому кавычки убираем!). Ведь с другого конца котлована речка вытекала из него и продолжала течь в ложбине между холмами. Николай даже углядел у обрыва рядом с рельсами и напротив какие-то балки, скрытые разросшимися кустами. Сказал, что такие балки

называются устои и здесь раньше точно был мост.

В месте впадения речки в озеро глубина её около метра, то есть, взрослому человеку будет по... ну, как бы по пояс. Но противоположный берег так густо зарос ивняком и ещё какими-то кустарниками, что для брода место не подходящее. Пошли вдоль берега вверх по течению искать более удобный брод. Здесь тоже были заросли кустарников, больше часа мы продирались сквозь кусты. Прошли не меньше пяти км от озера вверх по реке.

Наконец нашли подходящее место для переправы. Мужчины прощупали дно, поставили вешки, чтобы не потерять место. И мы перебрались на левый берег речки. Мне что-то стало... неуютно. Как будто мы покинули уже привычное, безопасное место и ступили на чужую территорию.

Вроде и денёк такой приятный: небо ясное, солнышко греет, но не печёт. Птички щебечут, речка умиротворяюще журчит. А вот всё равно как-то тревожно. И, похоже, не только мне. Илья это заметил и предложил устроить привал.

– Объявляю обеденный перерыв! – Достал из сумки пакет, который утром ему Иваныч вручил. – Спасибо нашему шеф-повару, знал, что мы надолго уйдём, с вечера позаботился. В пакете оказалась половина зажаренной тушки зайца! Все сразу взбодрились и повеселели. Зайчика обглодали до последней косточки. Которые аккуратно зарыли под ближайшими прибрежными кустами.

– Ну, что, сказочница, куда нам дальше?

Я закрыла глаза, представила себя на том дереве, осмотрелась, пытаясь разглядеть место нашего привала. И уверенно махнула рукой:

– Нам на вот этот холмик взобраться надо.

– Далеко идти?

– Поселение, да ещё такое, не может быть далеко от реки! Думается мне, что и это брод не мы первые открыли, им уже пользовались. Люди.

Николай и Сашко согласно покивали головами:

– Ну да, тут дно как будто брусчаткой выложено, ровненько и гладенько. И как нам удалось прощупать, такая «дорожка» метра полтора шириной. Явно рукотворное.

– Что значит поселение «ещё такое»? – с интересом спросил Сашко.

Мы уже поднимались по склону ближайшего холма.

– Сейчас сами увидите.

И когда забрались на вершинку холма, вид открылся такой, что все дружно ахнули. От реки, которую мы только что перешли, вверх поднималось две гряды холмов. Первая, на которой мы стояли, прерывистой чередой тянулась вдоль русла реки. Как раз ниже этой гряды, за нашими спинами, могла бы пролегать исчезнувшая железная дорога. А с другой стороны простиралась другая гряда. Она поднималась левее, широкой дугой обнимала луговину между грядами, и

невдалеке смыкалась с первой грядой. У подножия этих холмов, вокруг обширной луговины, как лепестки цветка вокруг сердцевины, располагались настоящие деревенские избы.

– Какая странная планировка деревни, хоть и логичная – задумчиво высказался Илья.

Сашко смотрел на деревню, как зачарованный:

– Это же... Это же древнейшая планировка! Называется «кольцевое» или «круговое» поселение. Так свои деревни строили древние славяне! Вятичи, кривичи, древляне. Ещё в седьмом веке! И в центральной России, в Поволжье тоже обнаружены такие «круговые» поселения. Я знаю, я с детства интересовался, как славяне жили!

Николай поддержал Сашко:

– А парень прав, нам тоже в моём строительном рассказывали, что кольцевая планировка поселений самая древняя. И только уже в 18 веке Петр I издал императорский указ о том, что деревни должны иметь прямоугольную планировку с параллельными улицами. Ну, типа, такая планировка убережет поселения от полного уничтожения во время пожаров.

– Вон там, смотрите, в центре, это погост! – Сашко прямо подпрыгивал от возбуждения. – Там и колодцы рыли, и скот выпасали. В Древней Руси это было место для сбора дани, для проведения религиозных обрядов. А в праздничные дни гулянья устраивали, торговцы свои товары выставляли.

У древних славян в центре поселения были святилища или капища, ну а уж позже там церковь или часовенку ставили.

– Погоди, погоди, – перебил его Григорий, погост, это же кладбище?

– Да нет! Погост это центр такой деревни! Филологи считают, что так называли место, где располагались пришлые торговцы. Их называли «чужаки с гостинцами» или просто «гости», в значении «торговцы с гостинцами», то есть с товарами. «Гостинцы» – «гости» – «погостить» – «погост». Это потом, когда стали в таких местах церкви ставить и хоронить усопших вокруг церкви, стали кладбища называть погостами! Или наоборот, погосты – кладбищами.

– С ума сойти, какие познания у тебя! Откуда? – без сарказма и иронии спросил Илья.

– Ну... – Сашко слегка увял. – Меня с детства интересовало, кто такие славяне и как они жили. Я потому и на истфак после армии поступил. Хотел стать историком-археологом!

– Ясненько, – крикнул Илья, – ну что мы тут прохлаждаемся? Идемте знакомиться с древними славянами. Может не откажутся нас приютить? Гостей-чужаков. На погосте – невесело улыбнулся.

– Дааа? А ты хоть одного человечка в деревне видел?

Я, конечно, не удержалась от реплики. И мы стали спускаться с холма. Я пристроилась поближе к Сашко.

– Почему ты сказал, что хотел стать историком-археологом? В прошедшем времени. Расхотел?

– Да попёрли меня с истфака. С третьего курса. Невзлюбил меня там один... доцент, без году неделя. Сынок, какой-то партийной шишки. Когда он понял, что я по его предмету, про славян, больше него знаю, стал меня гнобить изо всех сил. Однажды высказал я доценту всё, что про него думаю, про его уровень знаний. Прямо на семинаре, при одногруппниках. Он докладную на меня ректору. Ну и пошло-поехало. Вся кафедра за доцента горой встала. Со мной даже ребята перестали дружить, боялись попасть под «санкции». Ну я и плюнул на этот истфак. Вернулся в свой родной городишко, а там полный аут. Местный заводик закрыли, другой работы нет. Вот, решил к армейскому другу поехать, во Владик. Он обещал помочь на работу устроиться.

(Ещё один файл в мой «банк данных». Парень разочарован в людях, обозлён на жизнь, мечту у него растоптали. Причём, обидно же, что «блатные» недоучки! И отправился Сашко искать другую жизнь. Тоже «беглец», обиженный.)

И вот мы в центре деревеньки. Озираемся с любопытством и опаской. Дома деревянные, крепкие. Окна остеклённые. Вполне современного вида домики. В Центральной России, да и в Сибири такие в любой деревне увидишь.

Интересно, ведь почти безлесный район, где же жители добывали лес для таких капитальных срубов? Откуда-то привозили и здесь строились? А застеклённые окна? Уж точно это не древние славяне здесь жили. И где, собственно, люди? Этот вопрос беспокоил всех.

– Ну, что скажешь, Сашко? Какого века, какого рода-племени эти избушки? – Илья с ожиданием уставился на Сашко.

– Надо смотреть! – и Сашко решительно направился к ближайшей избе.

Мы гуськом потянулись за ним.

Заглянули в несколько домов. Крыльцо, сени с разной утварью, жилое помещение метров 20 площадью. Печи с полатями. Вдоль стен широченные лавки, застланные домоткаными ковриками. У окна, широкий, прочный стол. На задней стене избы, напротив входной двери, длинная широкая полка с посудой: глиняные горшки, керамические посудины. Ну прямо музей да и только! И, кстати, никаких икон или других признаков религиозности жителей. Язычники?

Никакого беспорядка внутри. Такое впечатление, что хозяева давно отсутствуют, но вот-вот вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.